

Н.П. Дворцова

ПОД ЗНАКОМ СИБИРСКОЙ ИППОКРЕНЫ: ВЗГЛЯД НА ТЮМЕНСКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ ИЗ ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ

В статье представлен взгляд на тюменскую литературу сквозь призму трех главных для региона событий Года литературы: выдвижения ненецкой писательницы А.П. Неркаги на соискание Нобелевской премии по литературе; 200-летия со дня рождения П.П. Ершова (1815–1869), автора «Конька-Горбунка»; 250-летия со дня рождения П.П. Сумарокова (1765–1814), поэта и первого сибирского редактора.

Ключевые слова: Год литературы, тюменская литература, А.П. Неркаги, Сибирская Иппокрена.

Современная тюменская литература, а точнее литература Тюменского края, – это более ста авторов, три союза писателей (тюменское отделение «Союза писателей России», Ханты-Мансийская окружная организация «Союза писателей России», тюменское региональное отделение «Союза российских писателей»), толстый литературный журнал «Врата Сибири». Это не только русская, но и татарская, хантыйская, мансийская, ненецкая литературы, создающиеся, однако, преимущественно на русском языке. С 2012 г. в рамках регионального конкурса «Книга года» тюменским писателям вручается литературная премия «Человек Слова», финансируемая Тюменской областной думой.

Наиболее полно современная тюменская литература представлена в трехтомной хрестоматии «Литература Тюменского края» (1996), а также в антологии «Тюменской строкой» (2008)¹. В 2015 г. «Тюменский издательский дом» при поддержке губернатора области В.В. Якушева планирует выпустить двухтомную «Хрестоматию тюменских писателей», что должно стать значительным событием Года литературы в регионе.

Можно ли в этой культурной многоликости разглядеть черты единства и свособразия? Есть ли что-то, что делает ее уникальным явлением отечественной словесности? Каковы ее наиболее репрезентативные фигуры?

© Н.П. Дворцова, 2015

¹ Литература Тюменского края: хрестоматия: в 3 кн. / сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. Тюмень, 1996; Тюменской строкой...: антология / под ред. Ю.А. Мешкова. Тюмень, 2008.

Рождение Сибирской Иппокрены

В 2013 г. тюменские литераторы отметили 50-летие областной писательской организации («Тюменское отделение «Союза писателей РСФСР»»), однако история региональной литературы значительно длиннее. 225 лет назад, в 1789 г., в Тобольске стараниями сибирского первопечатника В.Я. Корнильева и поэта П.П. Сумарокова вышел в свет первый номер журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»². Он издавался в течение трех лет (1789–1791) и был не только первым сибирским печатным периодическим изданием, но и первым литературным журналом в Сибири.

Заглавие журнала есть не что иное, как поэтическая формула (мотив), включенная в мощную традицию русской поэзии XVIII в., представленную в творчестве М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, И.Ф. Богдановича, В.И. Майкова, Д.И. Хвостова и др. В поэме И.Ф. Богдановича «Душенька» (1783) мотив этот представлен, например, следующим образом:

У холодных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз³.

П.П. Сумароков, редактор «Иртыша, превращающегося в Иппокрену», и его авторы создали журнал, в центре которого идея преобразования Сибири, понимаемой ими как мировой культурный перекресток, пространство встречи России и Европы⁴. В сущности это классическая русская идея об искусстве как преображении жизни. В формулировке Вл. Соловьева («Общий смысл искусства», 1890), она, например, звучит следующим образом: задача искусства – «претворять неидеальную действительность в идеальную», «одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь»⁵.

Название журнала «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей», который издавался под редакцией П.П. Сумарокова в 1793–1794 гг., позволяет уточнить, говоря современным языком, читательский адрес первых сибирских литературных журналов и завершает образ Сибирской Иппокрены, под знаком которой литература Тюменского края развивается уже более двух столетий.

Источником вдохновения для тюменских писателей являются, по сути, две главные идеи: о преображении Сибири, понимаемой как пространство встречи России и Европы (мира); о пользе и удовольствии «всякого звания» читателей сибирских книг.

² См. об этом: Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкунабулы». Екатеринбург, 2014.

³ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 46.

⁴ Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкунабулы». С. 142–159.

⁵ Соловьев В.С. Общий смысл слова // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 394, 404.

П.П. Ершов и ершовский миф

«Миф есть в словах данная личностная история. (...) Миф есть чудо», – утверждал великий русский философ А.Ф. Лосев⁶. Жизнь и книги П.П. Ершова настолько чудесны, что появлению ершовского мифа и его особой активизации во второй половине XX в., а также на рубеже XX–XXI вв. удивляться не приходится.

Рождению ершовского мифа немало способствует особая линия его судьбы, отличающая его от привычного пути провинциала, прославившегося в столице и в ней оставшегося. П.П. Ершов, как пишет В.Г. Распутин в книге «Сибирь, Сибирь...» (очерк «Тобольск»), уходит из Тобольска, чтобы вернуться, остаться в нем навсегда, разделив славу и бесславие родной земли, которой он беззаветно служит вот уже почти два века⁷.

В ершовском мифе, как известно, есть еще один сюжет: он связан с так называемой проблемой авторства. Время от времени потомки писателя начинают сомневаться: мог ли 19-летний человек родом из Сибири написать в Санкт-Петербурге гениального «Конька-Горбунка»? Музыковеды Е. и В. Уколовы, например, утверждают, что автор сказки – Н. Девиitte, композитор, музыкант, поэт, склонный к мистификациям. Критик В. Козаровецкий много лет доказывает, что «Конька-Горбунка» написал А.С. Пушкин и издает сказку под его именем⁸.

Ситуация эта – недоверие к чуду творчества – заставляет относиться к П.П. Ершову с еще большим уважением и восхищением, ибо включает так называемый ершовский вопрос в контекст вопросов о том, кто был Шекспиром, кто написал «Тихий Дон», и т.п. Из тюменских писателей в этот славный ряд попала только А.П. Неркаги, чья гениальная повесть «Молчащий» также вызывает у современников, не знакомых с чудом жизни и творчества, недоуменный вопрос: «Неужели она?»

Важно подчеркнуть, что в 1960-е–1980-е гг. ершовский миф формируется параллельно с историей тюменского нефтегазового комплекса: он подтверждает культурный статус новой нефтяной империи. Удивительно, но факт: в 1970–1980 гг. возникает и интенсивно развивается литературное краеведение Тюменской области (Л.В. Полонский, Л.Г. Беспалова, В.А. Рогачев и др.). На шит поднимаются декабристы, местный, особенно северный фольклор и писатели, связанные с северной мифологией (Ю. Шесталов, Ю. Вэлла, А. Неркаги, Е. Айпин и др.), заново открывается высокая русская классика, являющаяся в России, как известно, атрибутом «национальной государственности и культурной идентичности нации»⁹.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 535, 537.

⁷ Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... // Распутин В.Г. Собр. соч.: в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 66–67.

⁸ См. об этом: Савченкова Т.П. «Конек-Горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения» // [электронный ресурс] URL: http://ershov.ishimkultura.ru/fck_editor_files/files/Savtchenkova_Polemics%20to%20Kozar.pdf (дата обращения 22.04.2015).

⁹ Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 310.

П.П. Ершов – единственное имя в региональном литературном пантеоне, которое является сегодня знаком региональной (а не отдельно тюменской, тобольской, ишимской и т.д.) культурной идентичности, знаком культурного образца, освященного национальной традицией, и, что немаловажно, имеющее материальную поддержку областных властей, что вновь подтвердилось в марте 2015 г., когда не только Тюмень, но и вся Россия отметила 200-летие со дня рождения автора «Конька-Горбунка».

«Обская Царевна – Нефть»

Состояние тюменской литературы второй половины XX в. – начала XXI в. напрямую связано с судьбой «крупнейшего авангардного проекта советской власти» (М. Немиров), каким стало создание главного нефтегазового комплекса страны, история которого может быть понята как история рождения, становления, кризиса и реконструкции регионального мифа о Тюменском Севере, тюменской нефти.

Обской Царевной назвал тюменскую нефть Иван Ермаков в книге «Авка слушает ветры» (1970), великолепно передающей общее ощущение места и времени: «Здесь пучины и бездны, прорвы и тартарары, нагнетенные газом... Здесь на тысячу волчьих попрысков окрест по тайге, во хлябях и грязах непролазных болот и тундр, дюжий, цельный и беззаветный косяк народа новую Страну Могущества Русского создаст»¹⁰.

На глазах одного поколения с середины 1960-х гг. Тюмень, мать сибирских городов, из «столицы деревень», в качестве которой город существовал почти четыре века, превращается в «королеву нефтяного королевства», «императрицу нефтяной империи», увенчанную шапкой Мономаха. Мощный креативный взрыв 1960-х гг. превратил «старушку Тюмень» в тюменский феномен, «символ энергетического могущества Страны Советов», мировое явление, «чудо века»¹¹.

Над созданием мифа трудились, как известно, не только центральные и региональные СМИ, но и местные писатели (К. Лагунов, З. Тоболкин, В. Нечволода, А. Кукарский и многие др.), а также целые десанты творческой интеллигенции, постоянно работающие в Тюмени, участники Все-союзных Дней литературы, регулярно проходивших на тюменской земле, столичные и региональные толстые журналы («Урал», «Дон», «Юность», «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник» и др.).

В эпоху перестройки тюменский миф как часть советской мифологии переживает кризис, если не терпит крушение. В очерках классика тюменской литературы К. Лагунова 1980–1990-х гг., звучащих почти как некрологи, показано, как «великое и прекрасное» превратилось в «преступное и постыдное», «великий подвиг» обернулся «великой трагедией», «чудо

¹⁰ Ермаков И. Авка слушает ветра: очерки. Свердловск, 1970. С. 2.

¹¹ Лагунов К.Я. Тяжела ты, шапка Мономаха // Филологический дискурс. Тюмень. 2001. Вып. 2. С. 9–14.

века» предстало оскверненной и разоренной землей родины северных народов¹².

Во многом на волне этих саморазоблачений возник замечательный роман Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» (2010), изданный санкт-петербургским издательством «Амфора» в серии «Будущие нобелевские лауреаты». И хотя в нем рассказывается о событиях 1930-х гг., предшествовавших нефтегазовому освоению Севера, в сущности, речь в нем идет о социальных конфликтах, определяющих логику всего нефтяного XX в. и, к сожалению, оставшихся нерешенными сегодня.

В 2000–2010 гг. в истории нефтегазового освоения тюменской земли возникли новые сюжеты, не менее (а возможно, и более!) драматичные и содержательные, чем в предыдущий период. Эпоху назвали нефтяным веком, «Великой отечественной нефтяной эпопеей»¹³, ощутили, как сильно «во всей Вселенной пахнет нефтью»¹⁴. Однако с сожалением приходится признать, что тюменские писатели: и те, кто стали очевидцами «великого освоения», и молодые авторы, за редчайшим исключением, – не ответили на вызовы нового времени.

Эпическая и трагедийная история тюменской нефтегазовой империи от 1960-х до 2010-х гг. ждет тех, кто будет достоин выразить ее в слове.

Новейшая тюменская литература: жанрово-стилевое разнообразие

Если тюменская литература времен «Великой отечественной нефтяной эпопеи» была обращена к осмыслению самой – невиданной – реальности, то на рубеже XX–XXI вв. она осваивает прежде всего художественные возможности самой литературы, следствием чего становится ее жанрово-стилевое разнообразие.

В тюменской литературе рубежа XX–XXI вв. можно увидеть все основные тенденции развития современной русской да и мировой литературы: реализм (доминирует), авангард, постмодернизм, сетевую (гипертекстовую) словесность, pop-fiction, литературный истеблишмент и альтернативную (неофициальную, бывший самиздат) литературы, наконец, литературу детскую, мужскую, женскую, а также «высокую», «низкую» и миддл-литературу.

В жанрах политического романа, боевика, антиутопии создает свои книги («Слой», «Край», «Стыд»), признанные энциклопедией русской жизни 1990-х гг.¹⁵, Виктор Строгальщиков, продолжающий и развивающий тра-

¹² Лагунов К.Я. Указ. соч. С. 15.

¹³ Омельчук А. Сибирская книга. Тюмень, 2008. С. 611.

¹⁴ Пелевин В. Диалектика переходного периода из Ниоткуда в Никуда. М., 2003. С. 265.

¹⁵ Роднянская И. Чужой порядок. Родимый хаос. Смутная надежда; Орлова В. Слой за слоем // Новый мир, 2007, № 11 [электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/11/ro14.html (дата обращения 22.04.2015).

дицию социального и психологического реализма. Его последний роман «Долг» (2011) московское издательство «Время», одно из лучших в стране, напечатало в серии «Самое время!» и выдвинуло на соискание главной в России литературной премии «Большая книга». В ряду писателей реалистического направления нельзя не отметить Николая Коняева, прозу которого («Бывает!», 2013) отличает нравственный максимализм и онтологическая глубина; Сергея Луцкого со его пристрастием к жанру лирико-философская миниатюр («Пока светло», 2014) в духе М. Пришвина; Александра Ребякина, автора романа-эссе «Перековка» (2013), посвященного судьбам спецпереселенцев (раскулаченных), осваивавших тюменский север в 1930-е гг.

Сергей Козлов и Мирослав Бакулин, каждый по-своему, представляют религиозно-философское направление русской литературы. В романе «Репетиция Апокалипсиса: Ниневия была помилована» (2011) С. Козлов, любящий художественные эксперименты со временем, создал остро современную версию истории пророка Ионы, которого Бог послал в столицу ассирийского царства Ниневию с проповедью покаяния. Значительным художественным явлением в современной литературе роман делает не столько тема апостасии (вероотступничества), сколько тема жертвы во имя ближнего.

Книги М. Бакулина («Зубы грешников», 2010, «Полный досвидос», 2012, «Весна в раю», 2015), написанные в традиции актуального и востребованного сегодня жанра современного патерика или антологии (собрания цветов словесного творчества), полные света и радости, рассказывают об обычной вроде бы жизни тех современных людей, ради которых Господь, возможно, вновь бы помиловал Ниневию.

Для паломников в страну Востока, для тех, кто способен различать скорость дыхания и видеть метафизическое измерение обычной жизни, в Тюмени пишет поэт и прозаик Константин Михайлов, произведения которого («Священная психоэнергетика») существуют почти исключительно в Интернете¹⁶.

В Тюмени есть свой авангард и постмодернизм, у истоков которого – «громокипящий и великий» Мирослав Немиров, автор умной, веселой и печальной книги «О Тюмени и о ее тюменщиках», известной также под заглавием «Большая Тюменская энциклопедия». Книга эта, прекрасный образец гипертекстовой словесности, к сожалению, существует только в Интернете. Поэт, прозаик и философ Владимир Богомяков в последние годы печатает свои книги («Песни и танцы онтологического пигмея», 2003, «Я запущу вас в небеса», 2010, «По накату», 2010) не только в России, но и в США.

Тюменская женская проза также отличается жанрово-стилевым разнообразием. Филологическую и утешительную прозу пишет Серафима Бурова («Выходной для всех», 2009). У нас даже есть свой блук (блог, ставший бумажной книгой) – милая, трогательная и тонкая книга Яны Краузе «Блог обыкновенной женщины» (2011). Роман Ольги Ожгибесовой «Второй» (2014) создан в русле традиции литературных антиутопий. Ближайший его

¹⁶ Михайлов К. Священная психоэнергетика. Шапки-Веда с переводами, комментариями и подборкой тематических афоризмов // [электронный ресурс] URL: <http://kaigala.narod.ru/roman1.html> (дата обращения 22.04.2015).

+ Мне понравился интернет

предшественник – роман В. Строгальщикова «Край», но у романа О. Ожгибесовой, что вполне понятно, – женское лицо и женская логика: от распада России как единого государства, разрухи, запрета на рождение второго ребенка к яблоневой революции, женщине-президенту и спасению России.

В жанре pop-fiction, остро актуального тренда современной литературы, Лев Боярский и Федор Корандей, талантливые молодые писатели, создали «Очерки старой Тюмени», книгу воспоминаний так называемых наивных историографов, старожилов Тюмени, воссоздавших ее дореволюционный облик. В жанре pop-fiction создана книга Всеволода Бессараба «Ирвинг Берлин и джаз Тюмени» (2013), посвященная великому американскому композитору, родившемуся в Тюмени.

Жанровую (формульную) литературу в Тюмени представляет прежде всего Олег Архипов («Сибирская готика», 2010), пишущий для тех, кто любит остросюжетную прозу в жанре хоррора и может простить любые языковые огрехи. В жанре городского фэнтези создан роман Игоря Самойлова «Камень судьбы». Стилистически неровный «Камень судьбы», тем не менее, – новое слово в литературе Тюмени. Мощный культурно-мифологический пласт, сложная символика, хитроумный сюжет, легкий слог, а главное – узнаваемый облик Тюмени и живое ощущение духовного измерения пространства – все это заставляет читать книгу, не отрываясь, и безответно задавать себе вопрос: «Что это: типичная форма эскапизма, бегство от реальности или все-таки путь к себе»? Важен тот факт, что автор включает Тюмень в мировой культурно-исторический контекст. Такое чувство культурной и мифологической всемирности Тюмени до Самойлова было только у Константина Михайлова.

«Большая тюменская энциклопедия» М. Немирова

Поэт и прозаик Миро́слав Неми́ров (род. в 1961 г.), авангардист по духу, постмодернист, один из первых в отечественной литературе создателей гипертекстовой словесности, давно преодоле́л границы региональной словесности и Тюменской области, но его главная книга «Большая тюменская энциклопедия» (БТЭ) остае́тся ярчайшим явлением именно тюменской литературы. Книга в различных вариантах существует только в Интернете¹⁷, а незавершенность и интерактивность – ее важнейшие качества.

В «БТЭ» М. Немиров пытается «описать словами на бумаге абсолютно все, что только ни есть в Тюмени + описать абсолютно все, что имеется в остальной Вселенной – в приложении к городу Тюмени». Автор создаст портрет типичного тюменщика, «человека тюменской национальности», в его истоках, наиболее ярких образцах и разновидностях. Характер типичного тюменщика, с его точки зрения, предельно противоречив и тяготеет к двум полюсам. Первый из них представляет широко известный в мире тюмен-

¹⁷ Немиров М. Большая тюменская энциклопедия // [электронный ресурс] URL: <http://imperium.lenin.ru/LENIN/27/nemirov/> (дата обращения 22.04.2015).

щик Григорий Распутин, чьи «штуки, дрюки и ухватки» продолжают жить в мыслях и делах немалого числа потомков. Второй – причисленный М. Немировым к тюменщикам старец Федор Кузьмич, в судьбе которого наиболее полно раскрылась важнейшая черта тюменщика – на самой вершине успеха взять и уйти, бросив все и «погрузиться во внутреннюю жизнь». Типичный тюменщик, по М. Немирову, склонен к авантюрам и созданию грандиозных планов по переустройству мира, знает немало способов его тотального и немедленного преобразования и никак не может сделать окончательный выбор между делом (карьерой) и духовными исканиями.

Самым знаменитым тюменщиком М. Немиров считает В.И. Ленина, слава которого, с его точки зрения, превосходит славу Г. Распутина. Тело вождя мирового пролетариата, как известно, в годы Великой Отечественной войны три года и девять месяцев находилось в Тюмени, что позволяет «людям тюменской национальности» включать В.И. Ленина в региональный мифологический пантеон. Как фигура местной мифологии, как, по сути, герой мифа об умирающем и воскресающем боге, «Ленин» превратил Тюмень в тайную, хотя и временную столицу государства, что дает тюменцам лишний повод гордиться своим городом.

Как гипертекст, построенный по алфавитному принципу, «БТЭ» является энциклопедией энциклопедий, метаэнциклопедией, включающей в себя, как минимум, восемь частных энциклопедий, главная из которых «БНЭ» – «Большая Немировская энциклопедия». В целом книга М. Немирова есть не что иное как веселая и серьезная одновременно игра в энциклопедию, позволяющая увидеть первый русский город Сибири глазами авангардно и постмодернистски мыслящего нашего современника.

Сибирский миф А. Омельчука

Главная тема творчества писателя Анатолия Омельчука (род. в 1946 г.), патриарха и классика тюменской литературы, автора более 30 книг, – тема Сибири. В сущности, это тема его судьбы. Задача показать, понять Сибирь как планетарный (он любит говорить – космический, Сибирь – «космическая особица»), исторический и культурный феномен осознается им как жизненное предназначение.

В творчестве писателя последнего десятилетия отчетливо проявляется пристрастие к экспериментам с формами, форматами, новейшими технологиями. Творчество его становится интермедийальным. Он создает не только традиционные бумажные книги, но и электронные. Издательство «Баско» (Екатеринбург) в 2011 г. выпустило в свет электронное собрание его книг, включающее в себя 23 издания. Книгу «Я целую твой голос» А. Омельчук издает одновременно в двух форматах – как бумажную и электронную, в форме автоаудиокниги. При всем его пристрастии к слову, именно слов А. Омельчуку оказывается мало. Так рождаются «Рисунок ветра на воде» (2012), где сочетается слово и живопись и «@нтология» (2011), где слово дополняется музыкой, голосом. Появляются новые для А. Омельчука

фотокнига («Полярный круг человечества», 2013) и книга-календарь («Високосный год. 366», 2013). Книга «Сибирь – сон Бога» (2015) – завершение медийного проекта, над которым автор работал в последние годы.

Вершиной экспериментирования с формой книги становится для А. Омельчука «Книга Слов», материалом для которой послужила кость мамонта. Содружество А. Омельчука с косторезами Минсалимом и Сергеем Тимергазиевыми привело к рождению уникальной книги художника (арт-бук), воплотившей давний замысел А. Омельчука издать книгу в единственном экземпляре. Современная печатная книга, продукт массового производства в галактике Гутенберга, как и электронная книга в пространстве Интернета, с его точки зрения, уничтожили изначальную уникальность и сакральность книги, превратили ее в одноразовое явление. Художественный жест А. Омельчука, Минсалима и Сергея Тимергазиевых возвращает книге ее сакральную природу.

И все-таки главным событием в творчестве А. Омельчука последнего десятилетия стала вполне традиционная, бумажная книга «Река возвращается» (2012), роман в рассказах. В нем почти 150 рассказов, 150 историй из реки жизни Анатолия Омельчука. Рассказы эти вполне могут существовать и читаться отдельно, но, собранные вместе, они превращаются в автобиографический и экзистенциальный роман, в центре которого история души главного героя. Река здесь – сокровенный образ человеческой души, которая, как река, рвется, стремится, яростно мучается, прорывается – к чему? К себе? К неведомому и непостижимому?

Конечно же, «Река возвращается» – это сибирский роман, в нем – история Сибири за семь десятилетий: от первых послевоенных лет (автор родился в первый год после Великой войны) до нашего времени. И показана эта история так, как она отразилась в судьбе обычного человека, усилиями которого она и создается.

«Река возвращается» – роман многонаселенный, в нем сотни героев. Ключом к нему является история, произошедшая с автором на железнодорожной станции Кольвань, где он случайно увидел молодую женщину, которая бежала за уходящим поездом и плакала. «Бежала и плакала, спотыкалась, но не останавливалась». «Я нередко вспоминаю ее, – пишет Анатолий Омельчук. – Она все бежит по колее моей жизни, о чем-то просит, молит. О чем она плачет посреди Сибири, что теряет, что произошло?»¹⁸ «Река возвращается» – книга о тех, кто однажды вошел в сердце автора и остался там навсегда, «на всю жизнь. До смерти. Впрочем, и после смерти – тоже».

В книге «Река возвращается», как, впрочем, и во всех остальных произведениях А. Омельчука, творится целостный, многоликий и многосложный сибирский миф о священной земле Евразии, последнем шансе неразумного человечества. Квинтэссенция этого мифа – слова писателя: «*Чудо человека на земле. Ты существуешь на этой земле как чудо*»¹⁹.

¹⁸ Омельчук А. Река возвращается. Тюмень, 2012. С. 322.

¹⁹ Омельчук А. Книга Слов. Тюмень, 2013. С. 13.

Спасительное неркагианство русской литературы

В начале 2015 г. Уральский федеральный университет выдвинул ненецкую писательницу А.П. Неркаги (род. в 1952 г.) на соискание Нобелевской премии по литературе. Очевидно, это станет главным событием Года литературы в нашем регионе.

После 17 лет молчания Анна Неркаги написала новую книгу. Она называется «Мудрые изречения ненецкого народа» (2014). Издана книга в Салехарде тиражом в 30 экз. Это тихое и вроде бы локальное событие (Лаборовая – Салехард – Тюмень) в действительности является сверхважным и «на кочевой дороге Жизни» самой Анны Неркаги, и в судьбе ненецкого народа, и в новейшей истории русской литературы.

Родившись в горах Полярного Урала, писательницей Анна Неркаги стала в Тюмени. В 1976 г. в журнале «Урал» с предисловием-благословением Константина Лагунова была напечатана ее первая повесть «Анико из рода Ного». После нее появляются «Илир» (1979), «Белый ягель» (1995) и, наконец, «Молчаший» (1996). Перечитывая сегодня «Молчащего», понимаешь, что это книга итогов и после нее писателю почти невозможно взяться за перо. Ясно также, что в повести этой пророчески предсказано молчание самого автора, для которого искусство жизни на долгих 17 лет стало важнее сочинения книг.

Молчание писателя всегда оглушительно, это тайна, предельная его форма – сжигание автором собственных книг. Почти полвека молчал Дж. Д. Сэлинджер, более двух десятилетий – Саша Соколов. Молчание писательницы Анны Неркаги стало воскрешением (именно так!) важнейшей и, казалось, окончательно утраченной традиции отечественной культуры, которую после Андрея Синявского принято называть преодолением литературы – выходом художника за пределы литературы в сферу жизни и религии. В сущности, это бунт писателя против литературы, ибо она, вопреки ожиданиям, не спасает человека, не улучшает жизнь. Бунт оборачивается молчанием писателя, творчество жизни становится для него важнее написания книг. Такой кризис пережили в свое время Гоголь, Толстой, Достоевский, Леонтьев, Розанов, Пришвин, Шаламов. На рубеже XX–XXI вв. его проживала, восстанавливая идентичность отечественной литературы, Анна Неркаги.

Появление книги «Мудрые изречения ненецкого народа» свидетельствует о том, что творческий кризис Анны Неркаги закончился, бунт и молчание ушли в прошлое, она вернулась в литературу. Важно подчеркнуть, что годы после «Молчащего» она называет целебными. «Безнадежно больная душой, я вылечилась», – пишет она об этом времени²⁰. Факт этот свидетельствует о том, что Анна Неркаги идет «типичным», но сегодня почти забытым, путем русского писателя, для которого сочинение книг – лишь момент самосозидания и искусства жизни.

За годы молчания на родной земле, в Байдарацкой тундре, Анна Неркаги создала школу для ненецких детей, ставшую теперь новым словом

²⁰ *Неркаги А.П.* Мудрые изречения ненецкого народа. Салехард, 2014. С. 74.

(и делом!) в так называемой этнопедагогике. Книга «Мудрые изречения ненецкого народа» и издана в рамках проекта «Кочевое образование» для «Школы Анны Неркаги», хотя значение ее неизмеримо больше.

Книга выросла изнутри самой жизни Анны Неркаги и ее народа как ее, жизни, осмысление, а главное – способ сохранения и продолжения, то есть миро-творения. Именно так понимали литературу в России последние три века, когда писатель занял в обществе место учителя, подвижника, пророка и – мученика.

Новая книга Анны Неркаги самым тесным образом связана с книгами предшествующими и прежде всего с «Молчащим». Но есть все основания говорить о том, что перед нами – другая, новая Анна Неркаги, а литература, которую она сейчас создает, больше чем литература.

В «Молчащем» достигает апогея эстетика зла Анны Неркаги. Ее можно назвать подлинным мастером воссоздания зла в его бесчисленных ликах: зла социального, внутреннего злого начала в человеке, страдания злого человека, наконец, торжества апокалиптической «исступленной злобы» и «кромешной тьмы». Литература XX в. заморожена «цветами зла», но по масштабам изображения красоты и власти зла в «Молчащем» Анне Неркаги трудно найти соперников. Не случайно спорит она с Достоевским, заявляя: «Дурак и глупец тот, кто сказал, что красота спасет мир. Красота зальет мир блудом, кровью и яростью дьявола»²¹.

Впрочем, «Молчащий» еще долго, видимо, будет вызывать споры. Не ясно, в принципе, произведение ли это художника или духовидца, визионера? Не случайно посвящено оно памяти убиенного Даниила Андреева с его «Розой Мира». Очевидно также, что обращено оно к человеку, способному не только постичь «ярость дьявола», но и расслышать молчание и зов Бога. «Молчащий» – свидетельство особого духовного зрения Анны Неркаги, которому открывается не только «сама Тьма», но и Живой огонь, сияние неба, «клетница света», «невидимые блестящие крылья человека» и «нездешняя красота».

В книге «Мудрые изречения ненецкого народа» тема власти зла не исчезает, но уходит в глубины текста, торжествуют же в нем иные начала: творчество жизни, миро-творчество и миро-творение, которым Анну Неркаги научила жизнь в тундре.

Книга представляет собой, как сказано в подзаголовке, «собрание мудрых мыслей, советов, правил и предостережений на кочевой дороге Жизни». В основе строения книги, как это было у Данте в «Божественной комедии», – символика цифры «3» в ее мифологическом («3» – символ мира в его самозавершенности) и христианском («Божественная Троица») смыслах. В книге 3 части и 92 текста, каждый из которых своего рода притча, также построенная по принципу троичности. Она содержит в себе «мудрую мысль» (афоризм, поговорку, устойчивое словесное выражение и т.п.) на ненецком языке, ее перевод на русский и короткий текст-интерпретацию. Первые две части включают в себя по 30 притч, третья – 31 притчу, притчей также является текст «Вместо эпилога». В структуру произведения входит также Предисловие Анны Неркаги. Всего в книге, таким образом, 93 части.

²¹ Неркаги А. П. Молчащий. Тюмень, 2010. С. 40.

Архитектонику ее можно признать совершенной, она полна смысла: само создание этой книги есть миро-творение: устройство и обустройство ненецкого космоса, православного мира, наконец, нашей общей вселенной человеческого духа.

Помимо цифры «3», для понимания строения и смысла произведения важна еще цифра «7». О своем отношении к этой цифре Анна Неркаги пишет: «При слове семь сердце мое бьется сильнее и чаще. Тайна семерки меня волнует...»²². В книге «Мудрые изречения ненецкого народа» «любовь к семерке» Анны Неркаги проявилась в том, что книга эта есть не что иное, как семикнижие:

1. Книга притчей
2. Священная книга ненцев
3. Книга бытия (книга ненецкого космоса)
4. Книга апостасийного времени
5. Учебник ненецкого языка
6. Ненецкая педагогика
7. Автобиография Анны Неркаги

Эти книги – внутренние пространства, круги смыслов (в цифровой символике «3» соотносится именно с фигурой круга), которые включает в себя произведение. Объяснить их существование могут, пожалуй, только слова из «Божественной комедии» Данте о том, как герою открылся Божественный свет:

Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом.

Один другим, казалось, отражен,
(...)
А третий – пламень, и от них рожден²³.

(перевод с итал. М. Лозинского)

Книга притчей Анны Неркаги – часть традиции так называемой литературы мудрости, характерной для многих древних народов. Известны, например, «Наставления визирия Пта-Хотспа» (ок. 2450 г. до Р.Х.), «Наставления Амен-ем Хета» (ок. 2000 г. до Р.Х.), «Слово Ахикара» (ок. 700 – 400 гг. до Р.Х.) и многие другие. «Послушай, сын мой», – так обычно обращались к читателям их авторы, собираясь передать людям сокровища народной мудрости. Вершиной этой литературы является, как известно, «Книга притчей Соломоновых», «Божья книга вразумления», входящая в состав «Библии».

Книга притчей Анны Неркаги начинается так же, как и «Книга притчей Соломоновых», – с мысли о том, что «Начало мудрости – страх Господень» (Прит. 1, 7). В Предисловии Анна Неркаги пишет о «Страхе перед Словом, ибо оно принадлежит Богу... Слово – оно Бог», а мудрые изречения ненец-

²² Неркаги А.П. Мудрые изречения ненецкого народа. С. 15.

²³ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. М., 1982. С. 518.

кого народа для нее – «милые, разумные, добрые дети Слова Божьего». Как и в «Книге притчей Соломоновых», у Анны Неркаги мудрость человеческая начинается с осмысления человеком своего отношения к Богу.

У ненцев, как известно, есть священные предания и священные места, теперь, с выходом в свет книги «Мудрые изречения ненецкого народа», у них появилась своя Священная книга, включающая в себя, кроме того, сокровища ненецкого языка и ненецкой педагогики. Частью Священной книги ненцев, точнее, ее началом, является, безусловно, Книга бытия, пронизанная радостью Творца, провозглашающего при виде своего творения: «И это хорошо», и радостью человека, прозревающего Творца в творении.

Космос ненецкой жизни предстает у Анны Неркаги как рай. «Образ жизни ненцев только несведущему человеку кажется адом из-за своей тяжести, отдаленности от мира, холода, иногда голода. На самом деле это образ свободной жизни и напоминает собой отдаленный рай», – пишет она. О ее родной тундре читаем в книге: здесь все: «олени, люди, их огни живут невидимой общей жизнью»²⁴.

Свою родную землю Анна Неркаги считает священной и верит, что ей уготовано великое будущее: «Во втором пришествии Господь ступит своей ногой не везде, не вся земля опоганенная будет в состоянии принять стопы Господа Иисуса Христа». С ее точки зрения, «некоторые места, особенно северные, будут удостоены чести принять стопы Спасителя»²⁵.

«В ненецкой жизни, – утверждает Анна Неркаги, – есть что-то от монашества. Тут нет никаких излишеств, хорошо поработал, сильно устал, немного поел, а на душе хорошо»²⁶. Книга «Мудрые изречения ненецкого народа» – это апология труда, точнее, умения ненцев «простой бытовой труд превратить в непрерывное творческое рвение», которое есть не что иное, как миро-творение.

Самые трогательные слова писателя – о братьях ненцев, оленях и собаках. «Старые люди, старые собаки, старые олени в ненецкой жизни становятся как бы святыми еще при жизни. Старые олени в последние дни жили в ранге людей», – пишет, например, она²⁷.

На фоне совершенного космоса ненецкой жизни страшным диссонансом звучит грозный вопрос писательницы из первой притчи: «Кто убил мой народ?» Священная книга ненцев, созданная Анной Неркаги, включает в себя не только Книгу Бытия с ее радостью о мире и Творце, но и пророчество о конце мира, Апокалипсис. Он начинается с оценки нашего века как «века Сатаны», «позорного века». В книге – длинный список страшных обвинений этому веку, главное из которых – апостасия, отступничество человека от Бога. Наше время для Анны Неркаги – апостасийное. «Человечество – это огромная, оскотинившаяся, оскопившаяся и осатаневшая семья», – пишет она о своих современниках²⁸.

²⁴ Неркаги А.П. Мудрые изречения ненецкого народа. С. 73.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Там же. С. 129.

²⁷ Там же. С. 107.

²⁸ Там же. С. 51.

Одно из обвинений связано с тем, что олени, братья ненцев по жизни, перестали быть им друзьями, стали предметом утоления жажды приобретательства и безжалостно, тысячами, уничтожаются. «Голубые слезы оленей, как драгоценные алмазы, собраны у Господа на ладони», – пишет Анна Неркаги о подло убитых оленях, души которых вопиют к Богу²⁹.

Однако какие бы страшные обвинения своему народу Анна Неркаги не предъявляла, она всегда занимает позицию его адвоката. Люди привыкли осуждать других, и у них всего лишь один адвокат, и тот распятый, плачущий и говорящий: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят», – пишет она, утверждая: «Если бы я не стала писателем и учителем, стала бы адвокатом. За гробом я обязательно стану адвокатом»³⁰.

И еще после смерти Анна Неркаги хотела бы каждое утро зажигать огонь в своем нездешнем чуме, «быть утренней мамой», жизнь которой, а значит, и жизнь ее близких, начинается с огня, ибо один из главных заветов ненцев – не погасить огонь в собственной душе, в своем чуме, огонь своего рода и своего народа.

У Анны Неркаги есть еще одна надежда, точнее, «великое, невыносимо радостное утешение» для себя и своего народа: за Апокалипсисом следует Апокатастасис, Воскресение. Она пишет об этом: «Радостно вздохнем, освободим стесненные груди. Обретем обветшавшие крылья и вслед за своим Освободителем вернемся в Отчий дом. К Отцу»³¹.

Хочется надеяться, что новую книгу Анны Неркаги переиздадут большим тиражом и, возможно, с другим заглавием, ибо это не раскрывает всей ее глубины. В ней – сокровища мудрости ненецкого народа, отраженные в зеркале Лица Христова. В ней – судьба писателя Анны Неркаги и ее путь от литературы к молчанию и вновь к литературе, которая преображает и творит жизнь и потому – больше литературы. Наконец, книга – свидетельство того, что та русская литература, которая в последние десятилетия присягнула Мамоне и энтертейменту, преодолена и прощена благодаря подвижничеству Анны Неркаги.

Вместо заключения

В 2014 г. Литературная премия Тюменской областной думы «Человек Слова» была вручена молодым писателям, авторам сборника «Письма из Зурбагана», которые являются слушателями школы литературного мастерства Владислава Крапивина при Тюменском государственном университете. Событие это нельзя не признать символическим. Авторы «Писем из Зурбагана» при всем различии их творческих манер объединяют высокие гриновские идеалы, яркое зрение, острое чувство свободы, дерзкие молодые интонации. Очевидно, что у них есть будущее в литературе, а следовательно, есть будущее у литературы тюменской.

²⁹ *Неркаги А.П.* Указ. соч. С. 117.

³⁰ Там же. С. 10.

³¹ Там же. С. 179.